

18+

Антон Яковлев

Загонная охота

Антон Яковлев

Загонная охота

<https://litres.ru/74121266>

ISBN 9785007038980

Аннотация

Блокадный Ленинград сорок второго. Город выживает в условиях постоянных бомбёжек, усиливающегося голода и разрушенных коммуникаций. Вдобавок людей начинают терроризировать целые армии крыс. В этих суровых исторических реалиях разворачивается захватывающий триллер, герои которого будут противостоять немецкой диверсии, нацеленной на уничтожение города. Книга соединяет в себе дух петербургских повестей Гоголя, элементы научной фантастики, энергию приключенческих романов и детективную интригу.

Содержание

Глава 1. Укус мертвеца	5
Глава 2. Рука мертвеца	20
Глава 3. Сон мертвеца	40
Глава 4. Доводы мертвецов	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Загонная охота

АНТОН ЯКОВЛЕВ

В основе этой истории частично лежат реальные события, однако персонажи и сюжет вымышлены, любое совпадение имён и мест действия следует считать случайным.

Редактор Наталья Шевченко

Корректор Ольга Рыбина

© Антон Яковлев, 2026

ISBN 978-5-0070-3898-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Укус мертвеца

Много ли нужно для счастья — вопрос риторический и индивидуальный.

Счастье — это соответствие максимальных потребностей текущему моменту. Во всяком случае для Пашки Лучникова эти апрельские дни стали лучшими за последний год. Да и за прошлый тоже.

Вот два года назад, когда по протекции дяди Димы он почти месяц провёл на Южном берегу Крыма, он был счастлив. Его не пугали дети-туберкулёзники, ехавшие с ним к морю, их всё равно заселяли в отдельные корпуса. У самого Пашки была всего лишь пневмония, и выздоравливать ему предстояло с такими же «счастливчиками».

Какая, однако, досада — не болеть всю зиму, а весной, впритык к летним каникулам, по глупости подхватить воспаление лёгких!

Это они с отцом, заядлым охотником, и с молодым псом Диком пошли в марте проверять охотничьи угодья на Сестрорецкое болото. Охотиться пока рано, зверь после зимы измученный, тощий, ему надо жирка нагулять. Главное — проснувшегося медведя не встретить, а в остальном столько романтики! Попробуй, затащи в это время в лес кого-нибудь, тем паче на болото, а им с отцом в радость.

Да и Дика после зимнего заточения в городской кварти-

ре выгулять — дело милосердное. Двухлетний кобель, тёмно-серого окраса, но с удивительно светлой мордой, кипел энергией и постоянно что-нибудь крушил в доме. Ему жизненно требовался масштабный выгул, о чём он всё чаще общал негодующим воем. Ещё бы, гремучая смесь восточноевропейской овчарки с лайкой.

Только вот в тот раз романтика приключений для Лучникова-младшего закончилась пневмонией. Пашка даже понимал, когда именно совершил ошибку. Это произошло возле урочища, которое им с отцом служило ориентиром на экстренный случай. Мало кто из охотников совался в ту труднопроходимую местность. Но Лучниковы знали проходы и гати между болотами и держали их в тайне. За урочищем всегда была птица — без трофеев с охоты отец и сын не возвращались.

В тот раз Пашка разгорячился, лазая наперегонки с Диком по оврагу, глубоким разломом пролёгшим среди мрачных елей. Ему стало жарко, и он распахнул своё «лесное» пальто. Распахнул слишком надолго, не слушая отца. А расплата пришла на следующий день — температура и кашель, а осложнением — периодически возникающие шумы в голове.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло!

Ялта. Гурзуф. Крым. Как заклинание, крупными буквами в мыслях Пашки запечатлелись южные названия. Даже сейчас, в эти северные июльские плюс пятнадцать, стоило за-

крыть глаза — и в памяти возникали очертания гор с пышными кедрами и соснами. Их смолистый запах щекотал ноздри, смешиваясь с ароматами цветов и нагретого скального камня.

Но все эти воспоминания — лишь предвестники главного образа в мыслях: Зинка Кольцова. Мальчики и девочки в лагере располагались в разных корпусах, но время проводили вместе. Да и увидел он Зинку в первый же день приезда: она с другими юными пионерками приветствовала бодрыми речовками прибывших в «Артек» на поправку здоровья ребят. И сразу не понравилась Пашке. Напрягала своей активностью и какой-то нарочитой правильностью поведения, но из головы не выходила. Сначала раздражала, а под конец смелы он понял, что влюбился. Ей было пятнадцать, на два года больше, чем Пашке, а значит, это было её последнее лето в лагере — по крайней мере в качестве пионерки.

Апрельский климат Крыма пришёлся Пашке по душе, и он быстро выздоравливал, как тень следуя за инструктором по военно-спортивным играм Сергеем Борисовичем. Хромоногий комэск, герой Забайкалья, своими рассказами о том, как он с командиром Лазо громил Колчака, зачаровал юного пионера. Пашка представлял себя героем на фронтах Гражданской войны и с упоением вникал в суть «Зарниц», которые организовывал для детей Сергей Борисович.

Пашке позволялось надоедать ветерану. Возможно, потому, что он был искренним и благодарным слушателем воен-

ных баек, а может, из-за дяди Димы, который и устроил его в «Артек» без проволочек и предварительных записей.

В отличие от Сергея Борисовича, чьи подвиги вызывали некоторые сомнения, дядя Дима, мамин брат, действительно был героем. Лётчик-ас истребителя И-15, воевавший в Испании против мятежника генерала Франко, пользовался определённым влиянием, которого хватило, чтобы получить путёвку в «Артек», где как раз должен был находиться сын его испанского товарища, коммуниста, погибшего во время налёта немецкой авиации. Так Пашка и оказался в Крыму.

А там была Зинка. Вместо обещанного Алехандро, которого к тому времени распределили с другими испанскими детьми в советские интернаты.

Казалось бы, какое дело Лучникову до Кольцовой, ведь она старше и пытается вести себя как взрослая. Но куда бы ни пошёл Пашка, чем бы он ни занимался, в его поле зрения оказывалась Зинка. Вот Пашка несёт деревянные макеты винтовки Мосина, а навстречу, задрав нос, вышагивает она. Вот он роет окоп, сражаясь с воображаемым противником, а мимо, невесть откуда возникшая, идёт Кольцова с надменным взглядом.

Пашка стал усматривать в её неожиданных появлениях злостный умысел. И однажды, когда по просьбе героя Забайкалья он волочил к месту предполагаемого палаточного лагеря деревянный пулемёт «Максим» с оторванными колёсами, девчачья армия нанесла подлый удар. С красными гал-

стуками на шеях, как приличные пионерки, на Пашкином пути возникла Зинка с тремя подругами. Они с зазнавши-мися физиономиями прошли мимо него, и одна из них выстрелила ему в спину фразой:

— Командир полка, нос до потолка, уши до дивана, а сам как обезьяна!

И затем последовало противное хихиканье.

К такому моральному удару лопухий Лучников был не готов. Они же старше! Пионерки! У некоторых сиськи уже как дыни, через блузку выпячиваются, а они такое племяннику героя заявляют!

От обидной насмешки у Пашки вспыхнуло огнём в глазах. Он был готов броситься наземь и положить пионерок очередью из игрушечного пулемёта. Но вовремя понял, что будет выглядеть ещё глупее и младше, и, сдержав справедливый порыв гнева, остался стоять как чучело, а из носа и глаз предательски потекло.

— Сами вы дуры! — задыхаясь и сдерживая себя, чтобы не разреветься во всё горло, отрывисто прошептал он, но девчонки, смеясь, уходили, не удостоив его вниманием.

Только Зинка несколько раз, улыбаясь, обернулась. Ну хоть не смеялась, и на том спасибо.

Потом Пашка часто перелистывал в памяти этот эпизод своего унижения и находил в улыбке Кольцовой то сочувствие, то нежность. Ему даже почудилась общность выражения её лица с Джокондой, портрет которой показывали на

уроке истории в школе. И несмотря на то, что улыбка Моны Лизы его больше пугала, чем радовала, он утешал себя тем, что Зинка не очень сильно над ним издевалась.

Тем не менее вендетта была неизбежна. Пашка, будучи по натуре добрым человеком, недолго вынашивал план мести. Не зная, что по классике это блюдо положено подавать холодным, он интуитивно пришёл к этому сам. Но в буквально смысле.

Пару дней спустя после случая с дурацким поломанным пулемётом без колёс он в будёновке, выданной ему бывшим командиром эскадрона, и с самодельным мечом-кладенцом проходил мимо столовой. Свернув за угол и оказавшись на задворках здания, он, в своём скоморошном виде, принялся со всей пролетарской ненавистью рубить фанерным мечом пока ещё не очень высокую и жгучую крапиву, воображая, что сражается с белогвардейцами и другими врагами.

— Вот тебе за Щорса, вот за Чапаева! Получай своё, генерал Франко! — в упоении боя уподобляясь былинным героям, приговаривал Пашка, выкашивая полчища сорняков.

Он хотел зарубить Гитлера, но вспомнил, что с ним заключён договор. «Товарищ Сталин знает, что делает, он не ошибается. Не может он допустить беды для Родины. Немцы нам не страшны. Значит, будем рубить Маннергейма и белофиннов!» — рассуждал юный пионер.

После одного из наиболее мощных горизонтальных ударов, нанесённых по-казачьи с оттяжкой, Пашка покачнулся

и, потеряв равновесие, полетел вперёд, еле успевая перебирать ногами. Его борьба с центром тяжести закончилась провалом. Он зацепился мысками за камень и рухнул в бурьян.

— Ай, ай, ай! — постыдно заохал он, не желая быть окрапивленным. Но через секунду увидел в траве то, что заставило его забыть о лёгких ожогах молодой крапивой.

Пашка вытаращил глаза и, по-щенячьи взвизгнув, как подорванный вскочил на ноги.

Перед ним в траве, глумливо выпучив глаза-бусинки, лежала дохлая крыса. Пасть её была приоткрыта и демонстрировала сверху и снизу две пары длинных жёлтых резцов.

— Тьфу, гадость! — поморщился Пашка.

Но скоро преодолев брезгливость, стал спокойно рассматривать грызуна. Как-никак он только что рубил противника и негоже теперь воину воротить взгляд от трупов поверженных врагов. Да ещё он сын охотника и будущий ветеринар или пожарник. Пока точно не решено. Биология была любимым предметом в школе, а у пожарных ему нравилась форма.

Он ткнул крысу мечом. Деревянный клинок упёрся в мягкий бок. «А вдруг прыгнет?» — подумал Пашка и отшагнул назад.

Но крыса не двигалась, и тогда, устыдившись своих сомнений, «богатырь» Лучников решительно перевернул её на спину. Крыса была некрупной и уже не пугала, но длинный лысый хвост, словно отдельное существо, придавал ей мощи

и внушал опасение. «Даже мёртвая крыса может укусить», — поэтично подумал Пашка, продолжая трогать её мечом.

За спиной у него раздалось мяуканье, и, повернувшись на звук, он увидел местного серого кота.

— А, Тишка! Это твоя работа? Ты мне её сюда подбросил? — спросил Пашка, взмахнув игрушечным оружием и указав им на крысу. Сейчас он являл собой образец превосходства над животным миром и ждал от кота признания.

Испугавшись этого движения, кот на всякий случай отпрыгнул в сторону и затем с ленцой направился прочь, явно не желая участвовать в следственном эксперименте.

А Пашке пришла мысль, как отомстить Зинке.

К операции под названием «Возмездие» он привлёк Витьку Плошникова, мальчишку из Арзамаса, с которым успел подружиться. Проходивший реабилитацию Витька, бледнощёкий и худой, с удовольствием воспринял идею мести.

Сначала предполагалось, что крысу, привязанную за хвост, выдернут из травы перед Зинкой, когда она будет идти по парку. Но посоветовавшись, парни решили, что это слишком слабо. Крыса должна спуститься сверху — вот будет высший пилотаж. Дядя Дима сможет гордиться племянником.

Возникал вопрос: как это осуществить технически.

Увлёкшись новой идеей, Пашка даже перестал общаться с Сергеем Борисовичем. Бывший командир эскадрона поручил Пашке простое дело — принести верёвки для канатной

дороги, которую планировалось устроить для «Зарницы». А тот махнул рукой на задание.

Весь следующий день заговорщики Лучников и Плошников посвятили исследованию распорядка жизни старшего женского звена. Время поджимало, крыса начинала тухнуть, нужно было действовать. Пионеры превратились в охотников. Они, как волки из засады, изучали повадки своей добычи и всё ближе подходили к цели. По крайней мере им так казалось.

Наконец было решено: следующим утром на завтрак, проходя с коробкой мимо девочек, вывалить крысу им на стол.

— А что потом с нами будет? Мы же засветимся, — задал резонный вопрос Витька.

Увлечённый своим планом и понимающий, что надо торопиться — крыса уже подванивала, Пашка особенно не задумывался о последствиях.

— Чего будет? Мы сразу убежим! Подумаешь, крыса! У меня дядя герой, а они меня оскорбили, им самим достанется, если что! — легкомысленно развеивал сомнения товарища Пашка.

— А кто кидать крысу будет? — на всякий случай уточнил Витька.

— Я конечно. А ты со второй коробкой, как будто у тебя ещё одна крыса, загоняй девчонок от стола к окну, пусть поруют! — хохотнул Пашка, предвкушая сладость заслуженно-

го воздаяния.

— Будут знать! — поддержал друга тонким смехом, перешедшим в кашель, чахоточный Плошников.

Тем же вечером, перед сном, Пашка решил проверить крысу — его одолели параноидальные мысли, что ночью она пропадёт и кара над Зинкой не состоится. Ему грезилось, что придёт кот Тишка и утащит свою добычу. Или дворник дядя Камиль, бородатый леший, как его дразнили, найдёт орудие мести и выкинет его. От беспокойства Пашка не мог спать и, нетерпеливо ворочаясь в кровати, дожидался, когда все пионеры в комнате заснут.

Наконец он осторожно сел в кровати и прислушался к сопению вокруг. Да, всё нормально, можно действовать. Но в этот момент ему почему-то стало страшно одному идти в темноте к дохлой крысе.

Он тихонько встал и подошёл к кровати Витьки.

— Витька, вставай... — прошептал он, постучав по плечу товарища.

Тот издал невнятные звуки и попытался натянуть одеяло на голову.

— Витька, Витька! — затряс его Пашка.

Тот резко открыл глаза и непонимающе вытаращился.

— Надо крысу проверить, — озадачил его сообщник.

— Что? Какую? Зачем? — не понял спросонья Витька.

— Тс-с-с! — прижал палец к губам Пашка. — Нашу крысу.

— Да что с ней будет? Давай спать, — отмахнулся от этой идеи Плошников.

— Ну и ладно, сонная тетеря. Я сам проверю, один! — в запале сказал Пашка.

Досада придала ему смелости, и он как был, в трусах и майке, выскочил в коридор, прошмыгнув тенью мимо комнаты вожатого, а оттуда на улицу. Его встретил бодрящий холодок. В Крыму в конце апреля по ночам ещё прохладно.

Осторожно ступая босиком по земле, он дошёл до кустов, где, завёрнутая в газету, лежала крыса. Было темно, но свет фонарей от фасада главного здания доставал до импровизированного тайника. Пашка всмотрелся и увидел газету, прикрытую травой. Рядом валялась припасённая палка, которой он теперь разворошил схрон и, раскрыв газету, увидел крысу.

В тусклом освещении она казалась больше, словно выросла за ночь. Пашке вновь почудилось, что она может его укусить, и по телу пробежали мурашки.

— Ты дохлая! — громко заявил Пашка, рассердившись на самого себя за трусливые мысли.

Сидя на корточках, он, доказывая себе, что не боится, дотронулся пальцем до крысиной головы. Ощущение было мерзкое, и первая мысль — теперь ему не отмыться. Но осознание того, что он преодолел себя, придавало бодрости духа. Пашка спрятал крысу обратно в кусты, потом заскочил в туалет и, вымыв руки, вернулся в спальню.

Сон опять не шёл. На этот раз он был в возбуждённом состоянии из-за собственного отчаянного поступка и от предстоящей завтрашней акции. Пашка поворачивался на бок, уверенный, что сейчас же заснёт, но вскоре резко, с шумом менял положение. Ему грезилась крыса и то, как он касается её пальцем. Неожиданно ему захотелось, чтобы крысу нашёл и утащил кот Тишка или дворник Камиль.

Предвкушение от утренней мести исчезло, зато почудилось, что кто-то бегает по полу. Пашка тут же спрятал ноги под одеяло, чтобы его не укусили. Он, лёжа на спине, открыл глаза и, приподняв с подушки голову, посмотрел вниз. Ничего не заметив, улёгся обратно — и увидел у себя на одеяле, на уровне груди, крысу. Она сидела не двигаясь, только тянулась к нему мордой.

— Уйди! — не в силах крикнуть, просипел Пашка, закрывая лицо рукой.

Крыса прыгнула и вцепилась зубами ему в палец.

Тогда Пашка закричал и проснулся.

Заснул он, видимо, под утро, поэтому и пробудился от страшного сна позже других. Четверо ребят, подшучивая над его ночным кошмаром, пошли умываться. Только Витка отнёсся к сновидению товарища серьёзно.

— Может, это предзнаменование? Может, нам не надо... — предположил он.

— Не надо что? — с надеждой цепляясь за спасительное предложение, но возмущённо спросил Пашка.

— Ну, как-то боязно...

— Вот ты трус!

— Не трус! Ничего я не боюсь!

— Тогда пойдём и сделаем! — вызывающе сказал Лучников, сам себя втягивая в мероприятие, которое им обоим уже было не по вкусу.

Рассчитав время прибытия девочек в столовую, заговорщики под предлогом посещения туалета выскочили из-за стола и вооружились двумя картонными коробками, в одной из которых лежала крыса.

В это утро подавалась овсяная каша, которую дети больше всего не любили и всегда оставляли в тарелках недоеденной. «Не так обидно будет сорвать завтрак», — оценивая меню, подумал Пашка.

Как эсеры-бомбисты, они двигались к женской половине столовой, к столику, где сидела Зинка.

От волнения и нежелания делать задуманное у Пашки потемнело в глазах и руки дрожали. Обречённый Витька, шедший за ним следом, выглядел совсем подавленным. Он даже нарочно начал кашлять, пытаясь вернуть себе самообладание.

Они шли и смотрели под ноги, чтобы не выдать намерения. И только оказавшись перед целью, Пашка поднял глаза и встретился взглядом с ней.

Зинка быстро встала ему навстречу, и он ошарашенно остановился. В спину ему врезался Плошников.

— Павел! — как-то официально обратилась она к нему, но, запнувшись, через пару секунд произнесла мягко: — Девочки поступили недостойно, пошутив над тобой. Мы, как пионерки, стыдимся этого и просим прощения. Лично я прошу!

Она выглядела искренней и взволнованной, отчего Пашка совсем оторопел и молча стоял как вкопанный.

— Скажи что-нибудь. Ты прощаешь нас? — спросила она.

— Щас как бросим крысу! — вместо него сорвавшимся голосом ответил Витька и угрожающе замахнулся своей коробкой.

Похоже от страха он перешёл к фазе боевой решимости и плохо осознавал, что делает.

— Что там у вас? — послышались голоса других детей, заинтересованных развернувшейся перед ними сценой.

Пашка покраснел от Зинкиного извинения и от собственного ступора.

— Мы... я извиняю... спасибо... пожалуйста... — сбивчиво промямлил он, разворачиваясь к выходу из столовой и увлекая за собой Витьку.

Обратно на улицу они уже не вышли, а выбежали, столкнувшись плечами в дверях, отчего коробка с трупом грызуна вылетела из рук мстителя и упала к ногам медсестры Ольги Николаевны.

— Это что?! — строго спросила грозная, как гарпия, сестра милосердия, поправляя большие роговые очки.

Вместо ответа Пашка с Витькой бросились в разные стороны.

Тактика рассыпного строя не сработала — скоро их поймали, причём операцией по перехвату руководил бывший комэск Сергей Борисович. Пионеров посадили на карантин, пугая последствиями контакта с крысами — разносчиками чумы, тифа и другой заразы.

Но несмотря на все эти ужасы, Пашка пребывал в приподнятом настроении. Он радовался тому, что Зинка к нему равнодушна и что он не осуществил свой коварный план.

Потом они даже стали гулять вместе, прежде чем разъехаться по домам: Пашка в Сестрорецк, а Зинка — в город невест Иваново.

Уже в Сестрорецке у Пашки обнаружили чесотку и две недели лечили, а лагерь, говорят, месяц был на карантине. Так что на горьком опыте ему довелось убедиться, что мёртвая крыса и правда может укусить.

Но всё это не омрачало хорошего настроения пионера Лучникова. У него был адрес Зинки. Пашка отправил ей первое лирическое письмо и страстно ждал ответа.

И считал, что этот год — самый счастливый в его жизни. Пока не началась война.

Глава 2. Рука мертвеца

Игорь Мызин с детства любил воду. Реки, озёра, пруды, Балтийское море. И лимонад «Дюшес». Чёрное море, наверное, тоже полюбил бы, но на нём он не был.

Родился он в Пскове и рос, впитывая дух предков-ушкуйников через рассказы деда. Речные пираты, не знавшие себе равных, волевые и жестокие, могучие и свирепые, со смертельными засапожными ножами, жившие издревле на этой земле, овладели воображением Игоря, когда он был ребёнком. Чтобы не разочаровать далёких предков, Игорь стал укреплять своё тело и дух. Он не расставался с ножом, тренируясь метать его и стремительно жалить клинком, чему его обучали соседи-старика, прошедшие через две войны. Он подтягивался и тягал гири. А ещё занимался плаванием в любое время года. Благодаря такому энтузиазму Игорь Мызин со временем стал профессиональным пловцом и получил диплом тренера.

Но главным его вдохновителем к занятиям спортом был великий князь Александр Ярославович, освободивший Псков от немцев и разбивший крестоносцев на Псковском море: Чудским озером его никто в окружении Игоря не называл. Маленький Игорь живо представлял, как уходят под воду закованные в доспехи иноземные захватчики, извергая проклятия на своём грубом языке.

Туда им и дорога!

В противовес захватчикам Ливонского ордена, украсившим собой дно озера, Игорь решил добиться того, чтобы в воде чувствовать себя как рыба, а на суше драться как медведь. В детстве он наивно полагал, что иностранцы плавать не умели и в этом было одно из преимуществ русских при Ледовом побоище. По этой причине он первым делом увлёкся плаванием, а затем ещё лыжами и боксом, и даже стал разрядником, побеждая на турнирах.

Война застала Мызина без месяца тридцатилетним инструктором по физподготовке бойцов РККА, а через год Игорь участвовал в формировании лыжных отрядов для обороны Ленинграда.

Пашку Лучникова он перехватил в седьмом часу утра в Ленинграде на набережной реки Карповки, когда тот шёл на работу со своими ровесниками. Пашка работал на заводе №810, на котором, по насмешке судьбы, собирал пулемёты «Максим». В отличие от деревянного, без колёс, с которым он носился в «Артеке» два года назад, теперь это было настоящее оружие.

— Здорово, боец! — поприветствовал Игорь измождённого паренька.

С их последней встречи тот ещё сильнее исхудал, зато его единственное ухо-лопух, казалось, выросло вдвое, делая Пашку похожим на какого-то забавного фольклорного персонажа. Но Мызин, знавший, при каких обстоятельствах

мальчишка лишился второго уха, и не подумал улыбнуться.

Пашка обернулся на голос и просиял. Перед ним во всей красе матёрого воина стоял высокий и поджарый брюнет с синими глазами, в военной форме, с медалью «За отвагу» на груди и сидором, висящим на лямках на одном плече. Через левую щёку к верхней губе у него шёл глубокий шрам, придававший остроносому лицу с тонкими чертами довольно свирепый вид.

— Товарищ лейтенант! — радостно отозвался Пашка, расплывшись в широкой улыбке. — Дядя Игорь!

— Ну какой я тебе дядя, ты сам уже дядя, вон как возмужал! — недавно ставший лейтенантом Мызин уважительно взмахнул рукой.

Действительно, родной дядя лётчик-истребитель погиб в сорок первом под Минском, а отец пропал без вести на Карельском фронте. Парень, с тех пор как узнал Мызина год назад в госпитале, невольно тянулся к герою обороны плацдарма как к покровителю и наставнику, которого ему так не хватало в нежном возрасте. Но потери в собственной семье, блокада, голод, изнурительный труд на заводе и тушение зажигательных бомб на крышах домов не по-детски закалили его. В свои пятнадцать он не только чувствовал себя, но и определённо был взрослым человеком. И даже совестно ему было искать какого-то отеческого внимания у лейтенанта. Лучше воспринимать его как брата — так он решил.

— Игорь Иванович, — подсказал Мызин, как к нему об-

ращаться, и добавил, протягивая руку: — Ну, здорово!

Польщённый уважением, Пашка пожал крепкую как тиски ладонь и, не сдержав эмоций, обнял Игоря.

— Ну-ну! — ласково произнёс Мызин, слегка похлопав по спине Лучникова.

Пашка собрался и, дабы не опозориться пусканием слезы, произнёс уважительно, глядя на медаль:

— Значит, наградили!

— Есть такое дело, — безразлично ответил Мызин.

— А я вот на заводе... Не берут на фронт. Мы с ребятами просились... — вздохнул Пашка, оглянувшись на приятелей, которые вместе с ним шли к проходной и сейчас стояли чуть поодаль, с интересом наблюдая за разговором.

— Вы в тылу нужны!

— А я думаю, из-за уха не берут.

— Чушь! Сам убедишься. У меня к тебе разговор есть важный.

— Здорово! — обрадовался Пашка и тут же, испугавшись, что беседа может не состояться, быстро добавил: — У меня смена в пять вечера заканчивается, а сейчас в семь начало уже...

Как подтверждение того, что пора поспешить, ребята, бывшие с ним, свистнули и направились к заводу.

— Ты иди, иди, мы ещё поговорим, — обнадёжил Мызин.

— Я потом к мамке, сразу домой...

— А я провожу. У меня и гостинцы для вас, — лейтенант

дёрнул плечом, на котором висел вещевой мешок.

— Дядя Игорь... Игорь Иваныч, дождись! — счастливый от встречи и окрылённый перспективой её продолжения, Пашка поторопился за своими товарищами на проходную завода №810. Бежать у него явно не было сил. Двести пятьдесят грамм хлеба в день за работу по сборке пулемётов — это больше, чем сто пятьдесят, но энергии не прибавляет.

Мызин, проводив его взглядом, не торопясь прошёлся вдоль трамвайных путей и свернул к набережной. Дойдя до реки, он облокотился о металлический парапет и стал разглядывать полуразбитое бомбёжками здание завода. Вскоре ему наскучило это зрелище, и он повернулся к реке, на поверхности которой ещё недавно был лёд. Игорь смотрел на холодную воду рукава Невы и думал о событиях, приведших его к встрече с Пашкой.

В то время немецкая артиллерия палила регулярно, но довольно умеренно. Немцы словно смирились с тем, что взять Невский пятачок они не могут, но для проформы нескончаемо его обстреливали.

Двадцатого апреля резко пришло тепло. После суровой зимы и тусклой весны сорок второго года безветрие и яркое солнце создали в траншеях и окопах иллюзию курортной погоды. За три дня снег быстро сошёл, и на жёлтой траве, той, что ещё не была перемолота разрывами снарядов, младший лейтенант Мызин увидел первых проснувшихся божьих коровок. Земля вокруг была покрыта воронками, словно ли-

шаём, и местами дымилась. Она была перекошена, разодрана и вспорота так, будто великан-злодей её обезобразил своим чудовищным плугом. Оставшиеся на территории деревья, как потрёпанные мачты потерпевшего бедствие корабля, стояли без веток или были перебиты пополам.

Относительное затишье в атаках противника было использовано, чтобы эвакуировать годные к починке танки КВ на правый берег, так что на поле остались лишь остовы сгоревших, ещё больше уродующие ландшафт. Несколько уцелевших единиц бронетехники были зарыты по башню во влажную глину. На стволе одного из танков наблюдательный Игорь заметил бабочку, расправлявшую пятнистые крылья.

— Откуда же ты только взялась так рано! — глядя на неё, с улыбкой сказал Игорь.

Временами со свистом прилетали немецкие снаряды, хаотично грохая по левому берегу Невы. Сквозь этот звук, привычный для уха бойца, Игорь различил ещё один, непонятно откуда идущий писк. Это нервировало и раздражало младшего лейтенанта, особенно тем, что было необъяснимо. Но, находясь в адских условиях, он умел находить маленькие радости и ценить их. И такая мелочь, как божья коровка в траве и крапивница на танке, показалась ему предвестником доброго начала в жизни и какого-то обновления.

Как ни прискорбно, назвать поступившую к концу дня информацию добрым обновлением было нельзя.

Командир батальона, старший лейтенант Кузеев, махнул

рукой Мызину, чтобы тот садился на ящик от боеприпасов, служивший стулом.

— Связи с разведгруппой нет слишком долго, — сказал Игорю командир, его ровесник.

Боясь напрасно обнадёжить в первую очередь самого себя, Игорь промолчал. У него была надежда, что его группа скоро объявится. Он сам натаскивал по рукопашке и боевой подготовке этих десятерых парней, девять из которых были гораздо младше него. И вызывался идти с ними, но его оставили на плацдарме. Наши связисты, занявшие выгодную для нас и неизвестную немцам позицию, не выходили на связь. Перестрелок в тех местах не было. Скорее всего, могли сработать диверсанты. Для выяснения обстоятельств был отправлен отряд, подготовленный Мызиным, и вот теперь связь с разведчиками отсутствовала, несмотря на условленное время выхода в эфир.

— По всему Ленинградскому и Карельскому фронту радиосвязь пропадает. Или помехи такие, что разобрать ничего невозможно. А потом всё равно пропадает. Немцы что, все наши точки обнаружили? — наливая себе кипяток в жестяную кружку, мрачно сообщил командир.

— Разведгруппы посылали? — спросил Игорь очевидное.

— А как ты думаешь? Только ни одна не вышла на связь и не вернулась. Как-то в одни ворота игра идёт. Наливай кипятка себе, — предложил Кузеев, пододвинув к Игорю другую кружку.

— Разрешите мне набрать ещё одну группу и возглавить её, — не в первый раз попросил Мызин.

— Это первое управление решит. Сюда уже направили...

— Кузеев отхлебнул кипятка и добавил негромко: — ...умников.

— Может быть, мы раньше успеем? — предположил Игорь, перебирая в мыслях бойцов, которых можно взять в разведку.

— Всё равно нужны шифровальщики. Говорю же, помехи какие-то. Похоже на сигналы, но мы такие вообще впервые слышим. Свист какой-то. Что это вообще такое? Воздействие на радиоволны? Или просто сбой связи? Колдовство? Не знаю, я не радист.

— Свист... — усмехнулся Игорь.

— Что?

— Свист. У меня у самого с головой нелады. Свист или писк временами отчётливый слышу, прерывистый иногда. Не понимаю откуда. Как будто у самого в голове рация появилась.

— Контузия, — без особого интереса отреагировал старший лейтенант.

Часовой у входа в землянку кого-то остановил и доложил, что пришёл связист.

— Что у тебя, Мацкевич? — спросил Кузеев у прибывшего.

— Дык, телефонный кабель перебило.

— Ну так устраняй. Возьми Сидорова с собой.

— Есть взять Сидорова. Ледоход, кстати, пошёл, товарищ командир, трещит река, — сообщил невысокий, с поседевшими усами Мацкевич.

— Ледоход, Мызин, — вот что у тебя в голове трещит, — усмехнулся Кузеев и, встав, кивнул на выход: — Пойдём, посмотрим, что там.

Нева, очнувшись от зимней спячки, как кровеносными сосудами была испещрена трещинами.

— Что, младший лейтенант, этот звук у тебя в голове? Это, брат, весна, — вынимая из пачки папиросу и предлагая закурить, спросил Кузеев.

«Как при Ледовом побоище», — подумал Мызин, глядя на трещины во льду, а вслух сказал:

— Спасибо, не курю. Нет, звук другой, сейчас его нет.

— А, ну да, ты же спортсмен, здоровеньким помереть хочешь. В нашем случае очень актуально, — закуривая, усмехнулся командир и, взглянув на реку, пришедшую в движение, добавил: — Ну хоть одна хорошая новость есть: теперь особисты задержатся.

Особисты действительно задержались, как и вообще сообщение с правым берегом. До окончания ледохода триста метров реки от плацдарма до Дубровки казались непреодолимыми.

То, что старший лейтенант воспринял как благо, вызывало у Мызина серьёзные опасения. Он разумно полагал, что

теперь в случае немецкого наступления не только сотрудники НКВД, но и подкрепление подойти не сможет. Утешало, что уже несколько месяцев шла позиционная война и в прорыв враг не шёл.

Привыкший к канонаде, изнурённый, как и все солдаты, хроническим недосыпом, Мызин тем не менее плохо спал той ночью. Ему снились наши разведчики. Они шли по льду реки, а потом проваливались в полынью, и Игорь пытался их спасти. Он хватал их за руки, но вытаскивал уже мертвецов. Игорь просыпался и снова впадал в тревожный сон, не понимая, спит ли он на самом деле. Ему казалось, что тонут солдаты по его вине, потому что он, профессиональный пловец, плохо их подготовил и не может их вытащить.

В какой-то момент он остался один, замерев у кромки льда с дикой тоской в душе. И в этот момент вода у него под ногами всколыхнулась и забурлила. Как будто кто-то хотел выбраться на поверхность, и тогда Игорь со страхом, но надеждой наклонился, чтобы быть готовым помочь человеку, но из воды на половину корпуса вырвался не человек, а скелет и схватил костлявой рукой Игоря за ногу, издав при этом отвратительный визг. Это был тот самый звук, что преследовал лейтенанта несколько дней, только очень громкий. Мызина пронзил ледяной ужас, он дёрнулся и проснулся, тут же уставившись на свои ноги. По ним, поверх шинели, которой он прикрылся, лазила крыса.

— Пошла, тварь! — молниеносно скинув с себя шинель,

крикнул Игорь.

Другие семь бойцов, спящие в блиндаже, повскакивали, хватаясь за оружие:

— Что?! Немцы?!

— Хуже! Крысы! — встав на колени на топчане, прокричал Игорь.

По полу блиндажа действительно пробежали несколько серых теней к выходу на улицу.

На мгновение в укрытии возникла тишина, которая была нарушена девятнадцатилетним долговязым заикающимся рядовым Заплавиным:

— Н-нет, не п-получилось.

— Что? — не понял Игорь.

— Д-д-думал, что заикаться п-перестану от страха. Ан, н-нет!

Через секунду блиндаж сотрясся от нервного солдатского хохота.

— Т-товарищ младший лейтенант, а это у вас т-техника такая с-специальная — н-на коленях крыс ловить? — рискнул Заплавин развить свой юмористический успех.

— Да, Ваня, запоминай и учись, — отшутился Игорь.

— У меня жена такой техникой владеет, только от мышей!
— внёс свою лепту другой боец.

Посмеявшись вместе со всеми и осмотрев внимательно пол, Мызин вновь улёгся, поджав ноги, и в этот раз быстро и крепко заснул без всяких сновидений.

Следующий день прошёл под обычным гаубичным обстрелом с немецких позиций. С правого берега, со стороны Невской Дубровки, на плацдарм приходили вполне обычные директивы. Можно сказать, в штатном режиме. Во второй половине дня восстановленная накануне рядовым Сидоровым телефонная связь вновь оборвалась. Сидоров, как уже стало обычным, был отправлен на устранение неисправности. А старший лейтенант Кузеев дал добро Мызину экстренно собрать малую разведгруппу, чтобы этой ночью отправиться на поиски предыдущей. Выход был намечен на двадцать два ноль-ноль.

Мызин отобрал для этой цели пять человек и лично их возглавил. Он был возбуждён и взволнован предстоящим заданием, но ничем не выдавал своего состояния, оставаясь внешне собранным и спокойным.

К семи вечера вместе со сгущающимися сумерками он услышал знакомый не то визг, не то свист. Звук был очень отчётливый и медленно, но уверенно нарастал. Солдаты на его вопрос, слышат ли они что-то подобное, только недоумевали. Тогда Мызин решил не искушать судьбу и перестал сообщать о навязчивом шуме в голове, дабы его не сняли с задания, сочтя сумасшедшим.

В двадцать один час младший лейтенант Мызин находился в землянке у старшего лейтенанта Кузеева. Свернув маршрут и задачи, Игорь, прежде чем отправиться в блиндаж к своим бойцам, всё же упомянул о своём наваждении коман-

диру.

— Может, у меня слух обострённый? Ощущение, что это внешние звуки, а не в голове. Они вдруг появляются и нарастают. Я и сейчас их слышу.

— Вот прямо здесь?

— Здесь приглушённо, а на улице очень отчётливо. Поэтому меня и смущает — думаю, это не от контузии.

— Значит так, Игорь: я это учту и сообщу куда надо, как только хоть какая-то связь будет работать.

— Товарищ старший лейтенант, я чувствую, что это важно и это что-то реальное, а не психическое. По моим наблюдениям, эти звуки предвещают начало артиллерийского обстрела со стороны фрицев.

После минутного раздумья Кузеев дал Игорю листок бумаги и карандаш:

— На, излагай кратко и точно, что с тобой происходит.

Младший лейтенант быстро написал и о своём состоянии, и о том наблюдении, что оно связано с немецкими обстрелами.

— Морозов! — позвал Кузеев ординарца. — Доставь это письмо начштабу полка.

Когда посыльный ушёл, Игорь вздохнул с облегчением, словно сбросил с себя какой-то груз.

— Не знаю, радоваться ли тебе после таких откровений, — заметил Кузеев.

— Как будет, так будет. Разрешите идти к своей группе

для выполнения задания!

— Иди, — командир посмотрел на часы: — Сейчас девять двадцать, я подойду через тридцать минут, без десяти десять.

Старший лейтенант и младший обменялись рукопожатием, хотя уже через полчаса должны были увидеться. Но это было промыслительное прощание, поскольку больше им встретиться было не суждено.

Навстречу выходящему из землянки командира Мызину ввалился Сидоров и прежде, чем недоумённый Кузеев успел что-либо выговорить, развернулся к улице и, не целясь, выстрелил из винтовки. В этот же момент перед входом прогремел взрыв.

Игоря подняло в воздух и мощно приложило о землю.

От боли и потрясения он не мог вдохнуть. Ему показалось, что он умрёт от удушья, но неожиданный кашель, вырвавшийся из груди, позволил ему набрать воздух в лёгкие и вернуться в окружающий его хаос. Со всех сторон гремели взрывы. Немцы накрыли Невский пятачок шквальным миномётным огнём. По советским войскам бешено била артиллерия и пулемёты противника. Выплёвывая землю изо рта, Мызин, перевернувшись на бок, упал в траншею на окровавленного Кузеева. Игорь потряс тело командира и, убедившись, что тот мёртв, шатаясь от стены к стене, с автоматом в руках двинулся, пригнувшись, вперёд, в сторону своего блиндажа.

Всю мощь нескольких дивизий обрушили немцы на плацдарм. В ход пошли дымовые шашки, из-под дыма которых, уничтожая блиндажи и землянки, вылетали немецкие мины.

Наши бойцы, те, что успели отреагировать на внезапную атаку, отстреливались. Игорь слышал, что где-то рядом с ним идёт рукопашная рубка. Он высунулся из траншеи и прямо перед собой увидел, как немцы добивают солдата. Мызин вскинул автомат и дал очередь по противнику. В ответ его накрыло несколькими очередями с разных сторон. Он упал на землю и рывками пополз вдоль траншеи, а впереди и сзади взорвались гранаты. Вслед за взрывами вниз спрыгнул немец и, не глядя, открыл огонь по сторонам. Игорь дал по нему ещё одну очередь, и того прибило спиной к земляной стене.

Перебежками младший лейтенант добрался до своего блиндажа, единственного уцелевшего из встреченных им на пути. На подходе стало понятно, что его бойцы живы и ведут бой. Сказалось то, что они были готовы к заданию и встретили немцев во всеоружии.

Рядом взорвалась мина, и Игоря накрыло пластами земли.

— Т-товарищ лейтенант! Вы к-как? — раздался рядом знакомый голос.

— Вася! Заплавин! Сколько наших цело?! — тут же спросил Игорь у помогающего ему приподняться рядового.

— Н-не знаю... т-там это...

— Кто в блиндаже?!

— К-к-к-к-к... — выпучив глаза, силился сказать Заплавин.

Не дожидаясь, пока он выговорит слово, Мызин отодвинул его рукой и бросился к входу в блиндаж.

Внутри было дымно и пахло порохом. Но влетевшему внутрь Мызину ударил в нос ещё один запах, тяжёлый и мерзкий, как пахнет на войне, но незнакомый. Керосинка на бревенчатой стене была зажжена и тускло освещала часть укрытия, в конце которого лежал ничком солдат.

— Боец, назовись! Ты слышишь меня?! — крикнул Мызин и, торопливо приблизившись, перевернул его, чтобы увидеть лицо.

Это был боец Плужинников, мёртвый. Шея и грудь у него были залиты кровью, а гимнастёрка разодрана в клочья.

Перед входом раздалась автоматные очереди. Игорь развернулся спиной к убитому товарищу, собравшись кинуться к выходу, чтобы избежать прилёта гранаты внутрь. Но в этот момент он испытал в левой ноге боль — как будто попал в капкан. Мызин обернулся в ужасе, уверенный, что мертвец, как в недавнем сне, схватил его костлявой пятернёй.

Но это был не мертвец. Его сапог и выше, до колена, всё облепила копошащаяся, как осиный рой, бурая масса. Не понимая, что происходит, Игорь дёрнул ногой, пытаясь скинуть ужасный нарост, и тогда одна из составляющих его частей отлетела в сторону.

«Крысы!» — понял он слово, которое не успел выговорить

Заплавин.

Мызина словно осенило, и он смог рассмотреть в тусклом освещении, что углы блиндажа буквально кишат крысами.

В тот же миг у него над ухом, в непосредственной близости, прозвучал тот самый свист, который так докучал ему последнее время.

На деревянном столе на уровне его лица сидело и издавало поганый звук нечто. На мгновение Игорь перестал слышать выстрелы, разрывы и крики, которые заливали плацдарм.

За пару секунд мозг Мызина понял, *что* находится перед ним, но отказывался это принять. Потому что опытный боец, повидавший многие ужасы, и представить себе не мог, что бывает такой силы суеверный ужас, что на него можно отвлечься в момент самой мощной атаки вермахта.

Многоглавая, как волосы у горгоны Медузы, огромная крыса тянулась со стола оскаленными мордами и когтями к лицу младшего лейтенанта.

Игорь закричал и, стреляя по стенам очередями, отпрянул кувырком в сторону, вскочил на ноги и бросился к выходу. Крысы грызли его ногу и ползли выше, к паху и животу. Выкатившись на улицу, он под вражеским огнём сбил с себя прикладом всех тварей и, пробежав несколько метров, упал в ближний окоп, только и повторяя:

— Мрази, мрази, мрази!

Он судорожно ощупал, точнее, обстучал себя, проверяя,

не остались ли на нём крысы. Убедившись, что их нет, прислушался к тому, что происходило вокруг. Всюду били немецкие пулемёты и автоматы. Только ближе к Неве шли более оживлённые перестрелки с оставшимися силами нашего гарнизона. Немцы загоняли защитников Невского пятачка к реке, на которой шёл лёд.

Потом станет известно, что немцы оперативно воспользовались ледоходом, чтобы атаковать силами, превышающими в десять раз советские, зная, что подмога в таких природных условиях на левый берег не придёт. И, имея пристрастие к мелким эффектам, дали операции название «Загонная охота».

Мызин ползком, перекатами, пробежками двинулся в сторону своих. Его несколько раз накрывало взрывами, он отлёживался и продолжал движение. Дважды вступил в перестрелку, благо «папаша» выручал — в магазине семьдесят один патрон. Но бешеная скорострельность легендарного ППШ их скоро истощила, а запасного магазина не было.

— Эй, русский! Здесь ходи! Сдавайся! — по-швабски груссирюя, явно с издёвкой, долетел до Игоря зычный голос немецкого полиглота.

Немцы, понявшие, что у русского закончились боеприпасы, и решившие взять его в плен, высунулись из окопа, перерезая ему путь к берегу. Трое или четверо — времени пересчитывать не было, могли подойти другие. Молча стиснув зубы и отбросив автомат, Игорь достал златоустовский фин-

ский нож и беззвучно бросился в окоп к немцам. Резал он их тоже молча, с придыханием. Их оказалось четверо, и они, в отличие от него, кричали. Мызин хладнокровно наносил колющие и режущие удары, пока двое не остались лежать, а другие на четвереньках, падая и вскакивая, не поползли прочь. Весь в крови и грязи, младший лейтенант Красной армии поднял немецкий автомат, выстрелил по немцам и, оставив их, побежал к реке.

Ему в спину понеслись выстрелы. По нему, казалось, били из всех орудий. Гнали как волка. Загоняли между красными флажками. Но он, отстреливаясь, прорвался.

Сопrotивления у берега он уже не застал, только недвижимо лежащих погибших бойцов.

Впереди скрипят и трещат льды. А с поля крысиной стаей надвигается двести седьмая пехотная дивизия.

— Уж лучше река. Не через такое проходили! — вслух сказал Мызин и вошёл в ледяную и тёмную воду.

Когда смятого льдинами Игоря утаскивало ко дну, он думал, что его достали осколок или пуля, которые как ливень вспенивали вокруг него реку. Но он не сдавался и плыл к своим.

Игорь Мызин с детства любил воду. Реки, озёра, пруды, Балтийское море. Чёрное он так и не увидел. Оставался вопрос: любит ли вода его?

Уже недалеко от противоположного берега, коченея, он почувствовал, как скрутило его ногу, и понял сразу, что его

схватила рука — костлявая рука мертвеца — и из этой хватки ему не вырваться. Тогда он закрыл глаза, и его потянуло на дно.

Глава 3. Сон мертвеца

Владимир Константинович Думановский был в двух шагах до присвоения ему звания академика. Профессор биологии, зоолог и вирусолог научно доказал то, что его коллегами по цеху воспринималось как байка или легенда, бродившая в научных кругах.

Аккурат к своему юбилею у него сложилась формула ментального управления массовым сознанием млекопитающих.

Когда в начале исследований он упоминал о своих открытиях в среде учёных мужей, его интеллигентно, а иногда и не очень, высмеивали как шарлатана и мракобеса.

Но не тот человек был Владимир Константинович, чтобы его сломили насмешки и неверие со стороны. У него уже было имя, и создавать себе авторитет не требовалось. Во время Первой мировой, а затем Гражданской войны он по собственной методике лечения спас тысячи людей от тифа и дизентерии. В отличие от многих коллег-насмешников, он, несмотря на свои учёные степени, работал, что называется, в поле. Он лично осматривал больных в госпиталях, брал анализы и доводил своей методикой до выздоровления всех, за кого брался. Одно его общение придавало им надежды на выздоровление. Профессор сам дважды подхватывал тиф, но быстро с ним справлялся и продолжал помогать страждущим, не прекращая своей научной работы.

И если бы после революции ему не мешали продвигать свои идеи в жизнь дармоеды-чиновники, вышедшие из народа, он бы наверняка спас миллионы жизней.

Три года по приговору коллегии ОГПУ обвинённый по доносу во вредительстве профессор провёл в ссылке в Суздале, работая в монастыре, переделанном под бактериологическую лабораторию. И вот к началу войны он выстроил гипотезу об умышленном распространении чумы и тифа через крыс. Понятное дело, этим заявлением он Америку не открыл. Он понял другое: в особых исторических условиях, как правило, при социально-экономических потрясениях, у крыс возникает коллективное бессознательное, которое в определённый момент берётся кем-то под контроль. Как, например, было в четырнадцатом веке, когда чума, вызванная крысами, бичевала Европу. Этот чудовищный интеллект способен осознать себя как целостность и начать уничтожать людей, расчищая пространство для своих колоний. Более того, профессор утверждал, что и человек может управлять этой энергией крыс, если будет воздействовать на их вожаков специальными высокочастотными колебаниями.

К удивлению самого биолога, государство им заинтересовалось и выделило целую лабораторию для изучения сего феномена. Это был момент славы и восторга для Владимира Константиновича. Омрачало счастье лишь то, что государство представлял особый отдел НКВД. Чекисты дали волю профессорскому воображению и экспериментам, но ограни-

чили его круг общения и запретили разглашать любую информацию о научной деятельности.

Не питая никакой симпатии к сотрудникам наркомата и вообще к советской власти, Владимир Константинович тем не менее с удвоенным энтузиазмом взялся за работу. И вот когда он мог и готов был представить научные доказательства своей гипотезы, грянула война и интерес к нему пропал. Уже пришло предписание о закрытии секретной лаборатории учёного, а его самого вслед за коллегами собирались эвакуировать в Свердловск.

Владимир Константинович умолял оставить его в Москве. Он опасался, что при переезде обязательно потеряются, пропадут его научные записи, анализы, подопытные грызуны и авторские изобретения. Профессор убеждал власти, что в то время, когда его сын, хирург, спасает жизни на фронте, а внучка служит медсестрой в госпитале, он имеет право остаться и работать в столице.

В октябре сорок первого года Владимир Константинович сам пришёл добровольцем на пункт призыва. Под протесты и мольбы жены не сместить народ он для пущей убедительности своих намерений явился туда, прихватив охотничью двустволку сына — заядлого охотника. Однако эта демонстрация силы не произвела нужного впечатления и на войну «богатыря» не взяли. По личному мнению самого учёного — напрасно.

Высокий, худой и подвижный профессор Думановский

казался моложе своих лет. Он каждый день делал утреннюю гимнастику по системе Эбера, обливался холодной водой и бегал трусцой. Очки, усы и борода клинышком его несколько не старили, зато придавали импозантность и сходство с доктором Айболитом и с «дедушкой» Калининым. Когда его сравнивали с председателем Президиума Верховного Совета СССР, профессор кривил лицо. Хотя «всесоюзный староста» был всего лишь на год его старше, комплимент «вы как дедушка Калинин!» выходил сомнительный. «Я и сам дедушка», — всем одинаково отвечал на это Владимир Константинович. И это было правдой: с ними в квартире жила жена его сына с пятилетней дочкой.

В конце концов он написал письмо марионеточному главе государства, чтобы ему предоставили возможность пользоваться всеми ресурсами его лаборатории, оставаясь в Москве.

Что-то подействовало. Может, это письмо, а может, нашествие крыс на Ленинград в сорок втором году. Сначала профессору Думановскому разрешили продолжить изыскания в области ментальной общности грызунов, а через несколько дней предоставили письменные материалы, свидетельствовавшие в пользу его теории о «коллективном сговоре крыс» против человечества.

В апреле сорок второго года начальник штаба полка Невского пяточка вплавь смог добраться до правого берега с донесением о катастрофической ситуации на плацдарме в ре-

зультате немецкого штурма. Среди документов, которые он доставил в часть, было одно странное донесение из второго батальона. В нём инструктор по физической подготовке младший лейтенант Игорь Мызин сообщал о том, что научно доказывал профессор.

Когда Владимиру Константиновичу показали текст, написанный Мызиным, он поначалу от волнения не мог произнести ни одного слова и только мыча указывал рукой то на стол с документом, то на стоявшего перед ним сотрудника НКВД.

— Вы подтверждаете, что эта информация сходится с вашими предположениями? — строго спросил его щуплый старший лейтенант средних лет в синей фуражке с краповым околышем.

— Подтверждаю ли я?! Да я настаиваю! Вы что, сами не видите?! Это же свидетельство управления массами крыс! — экзальтированно воскликнул профессор.

— Мы видим то, что нам нужно видеть. Крысы не наша сфера. Значит, вы подтверждаете? — как змея, глядя на Думановского близко посаженными глазами, спокойно ответил сотрудник.

— Подтверждаю, что крысы — это ваше!

— Повторите...

— Постановление Совнаркома о борьбе с грызунами для вас пустой звук? Если нет, то это напрямую ваша сфера, товарищ лейтенант!

— Старший лейтенант! Гражданин Думановский, вы под-

тверждаете, что информация сходится с выводами?

Владимир Константинович театрально схватился обеими руками за голову и нервно ответил:

— Да, да, подтверждаю!

— И с ваших слов следует, что необходимо уделить изучению этого явления внимание? Государственное внимание? — без эмоций, неприятным голосом продолжал лейтенант.

Владимир Константинович молча взглянул на шелушащееся лицо особиста, словно покрытое мучнистой росой, и медленно спросил:

— Вы хотите поймать меня на слове? Я их вам и так много сказал. Или мой вклад в советскую науку недостаточен для вас, молодой человек?

Энкавэдэшник почесал пальцем щеку и, посмотрев на свои ногти, словно искал на них остатки кожи, ответил:

— Ваши вклады в науку не моя область, и мне до них нет дела.

— На вас посмотришь — вам ни до чего нет дела! Крысы не ваша сфера! А чья ещё?! — в сердцах бросил профессор и прикусил язык.

Всё же, несмотря на регалии и профессорскую эксцентричность, чувство самосохранения у него присутствовало.

Но слово не воробей, и лейтенант уже среагировал на это высказывание:

— Но зато я могу завести на вас дело, Владимир Константинович, — с профессиональным прищуром произнёс он.

На несколько секунд в разговоре повисла пауза.

— Простите, как вас по имени отчеству? — как можно мягче спросил Владимир Константинович.

— Старший лейтенант Киселёв, — зачем-то щёлкнул себя пальцем по петлице тот.

— Александр Иванович, по-моему...

— Александр Николаевич.

— Ну конечно. Так вот, Александр Николаевич, я ответственно заявляю, что мне необходимо увидеть и пообщаться с тем солдатом, который написал про крыс.

— Младший лейтенант Мызин.

— Да, с лейтенантом Мызиным мне надо срочно увидеться. Его же нашли в госпитале в Ленинграде, правильно?

— В Сестрорецке.

— Да хоть где! Александр Николаевич, в наших руках шанс спасти город от нашествия крыс и остановить эпидемию! Его показания могут изменить представления в науке. Обещаю, я упомяну про ваше участие в новой научной статье! — горячо убеждал Думановский старшего лейтенанта госбезопасности о важности встречи с Мызиным.

— Смотрите, как бы я не упомянул вас в своей статье, если поездка будет впустую, — многообещающе процедил сквозь щербатые зубы Киселёв.

В конце июля одна тысяча девятьсот сорок второго года профессор Думановский в сопровождении сотрудника НКВД, старшего лейтенанта Киселёва выехал в осаждённый

гитлеровскими войсками Ленинград. Туда же был вызван с Ленинградского фронта получивший внеочередное воинское звание лейтенант Мызин.

В апреле во время немецкой атаки Игорь практически добрался до правого берега Невы, когда силы его оставили и над головой сошлись льдины. Он уже не мог увидеть, как к нему на помощь бросились несколько солдат из восьмидесятой шестой стрелковой дивизии и успели вытащить из тёмных вод. Этот заплыв в триста с лишним метров среди ледохода стал главным в его жизни, и он совсем немного не дотянул до финиша. Одна из тысяч пуль, выпущенных по нему немцами, попала Игорю в ногу, и этот секундный шок лишил бы его шанса выжить. Но с правого берега видели, как наш боец в одиночку ведёт бой и, не в силах оказать подмогу, только, срывая глотки, кричали ему в поддержку. Конечно, он их не слышал.

Пришёл в себя Мызин в батальонном медпункте на деревянном настиле, и тут же на него обрушились воспоминания — о нападении немцев, о том, как он их резал финским ножом и как плыл в ледяной реке. Но над всеми этими фрагментами памяти отдельно стояли крысы. Они омерзительным фоном всплывали в каждом эпизоде.

Игорь вздрогнул и, резко открыв глаза, нервно и быстро захлопал ладонями по телу, ощупывая себя на целостность. Всё болело, но руки-ноги на месте. Голова сильно болит, вся в бинтах, как и лицо. Он приподнял руки — тоже перевя-

заны, но не сплошь, кисти были без бинтов, зато в красной сыпи. Игорь подвигал пальцами ног, получилось. Но перед глазами всё меркнет, а его самого трясёт и ломит в каждой клеточке организма. Он хотел позвать врача, но издал только хриплый звук и потерял сознание.

— Он приходит в себя, — приятный, успокаивающий женский голос звучал у Игоря в голове, которая теперь не раскалывалась от боли, а была опустошённо-расслаблена.

«Это я прихожу», — с уверенностью подумал Мызин и, медленно открыв глаза, увидел, как человек в белом халате подошёл и склонился над ним.

— Лейтенант Мызин, вы слышите меня? — спросил этот человек женским голосом, но другим, не тем, что прозвучал ранее.

Игорь проморгался, чтобы вернуть чёткость зрения, и разглядел перед собой молодую женщину в медицинском колпаке.

— Он начал что-то говорить, видимо, в бреду... — раздался тот самый первый женский голос. С другой стороны койки стояла девушка-санитар.

— Вы слышите? — повторила вопрос женщина.

— Да.

— Я врач, капитан Кошкина. Как вы себя чувствуете? Боль есть?

Игорь прислушался к своим ощущениям:

— Нет, вроде всё нормально. Плывёт только перед глаза-

ми.

— В рубашке родились. Учитывая условия, в которых вы оказались, на вас живого места не должно было остаться. В решето бы превратились.

— А у меня?.. — с надеждой спросил Игорь тихим голосом. Громче он говорить пока не мог.

— У вас пулевое ранение в икроножную мышцу. Операция проведена, с ногой всё в порядке. Удивительно, что нет переломов, только ушибы от льдин и царапины. И ещё вы перенесли тиф, — быстро сказала капитан Кошкина.

Игорь поочерёдно посмотрел на врача и санитарку и спросил:

— Сколько же я здесь?

— Четыре дня. За это время, находясь без сознания, вы прошли все стадии сыпного тифа и полностью выздоровели. Как вы до ранения себя чувствовали? Когда у вас появилась сыпь на теле?

— Нормально я себя чувствовал. Я должен был возглавить разведгруппу. Какая сыпь? Не было никакой сыпи! — Игорь обеспокоенно выдернул из-под простынки руки.

— И сейчас нет. Уже нет. При других обстоятельствах вас бы учёные изучали. Сейчас не до этого. Хотя записи в журнале оставляю, как и про мальчишку. Феноменальное выздоровление! — еле заметно улыбнулась капитан Кошкина, собираясь уйти.

Игорь для приличия хотел приподняться на койке и с этим

движением почувствовал дискомфорт на лице. Он потянулся рукой к левой щеке и нащупал фиксирующую повязку. Как только сразу не заметил?

— А это? — спросил он врача.

— Щека, как и голень правой ноги, сильно разорвана, глубокие рубцы как от укусов, есть нагноение. В вашем случае это мелочи, заживает быстро. Ангел-хранитель у вас хороший.

— Это всё... — хотел пошутить Мызин, но ему вспомнился медный нательный крестик, вшитый матерью в воротник гимнастёрки, и он, улыбнувшись, сказал другое: — Вы мой ангел-хранитель.

Капитан в ответ только молча взглянула на него усталыми серыми глазами.

— Когда я вернусь в строй? — аккуратно трогая распухшую щеку, поинтересовался Игорь.

— Думаю, скоро. Повторю: на вас удивительно всё заживает.

— Как на собаке, — пошутил Игорь и, вспомнив, откуда рубцы, воскликнул: — Крысы!

— Что? — осматриваясь по сторонам палаты, полной стонущих бойцов, резко спросила врач, а санитарка ойкнула тонким голосом.

— Я вспомнил: это крысы меня покусали в тот день, когда начался штурм, — устыдившись своего громкого возгласа, почти шёпотом произнёс Игорь. — Там, в блиндаже, целая

стая их была: набросились на меня, в ногу вцепились и щёку вот подрали.

— Опять крысы. Понятно, откуда тиф. Как похоже с Лучниковым. Мальчишка тоже пострадал, но поразительно быстро восстановился. Необъяснимая динамика выздоровления у обоих, — загадочно произнесла капитан Кошкина.

Пообещав проверить состояние Мызина завтра, она развернулась, чтобы уйти, напоследок бросив санитарке:

— Кланя, я на осмотр новых, а ты быстро проверь в коридоре и иди ко мне.

— Так точно, Вера Сергеевна! — ответила санитарка и тихо сказала Игорю: — Эти гадкие крысы просто бич Ленинграда, хуже бомбёжки! Настоящее нашествие! Они заодно с Гитлером, не иначе.

Худенькая и белокожая Кланя со светлыми волосами, выбившимися из-под медицинской шапочки, сразу понравилась Игорю. Её глубокие карие глаза как-то лирически настраивали младшего лейтенанта, несмотря на обстановку, далёкую от романтики.

— Не иначе, — согласился он с ней. — Значит, вы Кланя? А я Игорь.

— Я знаю. Выздоровливайте, товарищ младший лейтенант, а мне пора к другим раненым, — сказала она, глянув на него с интересом. Это было не странно: даже в госпитале, среди раненых в бинтах, бледный и изнурённый, Игорь привлекал внимание своей внешностью.

— Постоите, Кланя. Скажите, что за мальчишка, которого тоже крысы покусали?

— Погрызли! И он не один такой. Постоянно покалеченных крысами привозят. Некоторых старичков совсем сожрали, насмерть! Вон он, Лучников. Пашка, подойди сюда! — позвала Кланя подростка, который разговаривал с раненым бойцом, курящим самокрутку возле окна, а сама поспешила в коридор.

Тощий паренёк с головой, обмотанной бинтами до подбородка, приблизился к Мызину, изучая его быстрыми умными глазами.

— Здорово, боец! — приподнявшись на локте, поздоровался с ним Игорьь.

— Здравствуйте, — ответил тот с непритворным детским любопытством во взгляде, ожидая чего-то многообещающего от беседы с раненым воином.

— Ты, значит, Пашка? А я Игорьь, — представившись, Мызин аккуратно уселся на койке и протянул мальчишке руку. Тот подал свою в бинтах, и они тихонько скрепили знакомство рукопожатием.

— Вы командир? — зачем-то спросил Пашка, тут же смутившись от своего детского вопроса. «Нужно было спросить звание!» — мысленно разозлился он на себя за глупость.

— Был недавно. Только вот команды больше нет, — горько скривив здоровую щёку, ответил Игорьь.

В глазах парня отразилось такое живое переживание, красноречивее любых слов, что Игорь, решив облегчить его душевные муки, сказал:

— Младший лейтенант Мызин. Командир разведгруппы.

— Какой фронт?

— Ленинградский конечно.

— А где ранение получили?

— Здесь, на плацдарме.

— Правда?! На правом берегу?! Когда фашисты штурмовали?

— Правда. Не знаю даже, кто ещё из наших уцелел. Только сегодня очнулся.

— А у меня батя на Карельском, без вести...

— Знаешь, сколько без вести пропадают, а потом находят-ся? Меня в сорок первом самого без вести записали, а я даже никуда не пропал, подготовкой бойцов занимался. Быстро всё выяснилось, — постарался утешить парнишку Мызин.

— Правда?! — с надеждой на возвращение отца воскликнул Пашка.

— Правда. А на тебя что, крысы напали? — перевёл Игорь беседу на интересующую его тему.

Пашка вздрогнул, как будто прямо сейчас увидел крысу, и лицо у него дёрнулось нервным тиком.

— Меня тоже не только фрицы, но ещё и крысы ранили. — Мызин дотронулся пальцами до щеки с марлевой повязкой.

— Правда? — уже третий раз за разговор Пашка использовал это слово.

— Отхватили полщеки. Я сам пока не видел, как там.

— А у меня ухо целиком, — сказал Пашка так, словно похвалился, и показал пальцем на свои бинты на лице.

— Где это случилось? Как? — Мызин жестом предложил Пашке присесть, и тот пристроился в ногах кушетки.

— Мы с мамкой из Сестрорецка сюда перебрались, к тётё Люсе — она одна осталась после того, как дядю Диму в начале войны немцы сбили. Он был лёгчик-истребитель, в Испании даже воевал, бил там фашистов. Он и меня в «Артек» отправил, на выздоровление. Это самый лучший пионерлагерь! — Пашка многозначительно посмотрел на собеседника, проверяя произведённый эффект.

— Я слышал, но в Крыму не был. Хотелось бы Чёрное море увидеть, — уважительно кивнул младший лейтенант.

Чёрное море Пашке понравилось, но детское восприятие было больше сосредоточено на раздражителе, а потом и предмете воздыханий — Зинке.

Даже когда началась война, он успел ей отправить письмо. Потом уже стало не до этого. В середине августа вместе с беженцами из Прибалтики Лучникова Мария Александровна и её сын Павел Иванович перебрались в Ленинград, потеряв при отъезде Дика. В суете и толчее пёс исчез, и, как ни кричал Пашка из кузова грузовика, никакого собачьего отклика не последовало.

В квартире Дмитрия Александровича осталась его вдова, и по-родственному было решено, что вместе пережить тяжёлые дни будет проще. Но восьмого сентября немецкой авиацией были уничтожены Бадаевские склады, и началась блокада и голод. И страшный январский холод сорок второго года.

Пашка в детстве любил слушать страшилки про покойников, которые ходят по ночам за детьми, а сейчас трупы людей лежали на улицах. Лежали подолгу, особенно зимой, и днём и ночью, и дети сами ходили между них.

Но и это было не самым кошмарным из всего того, что предстояло пережить. И пережили далеко не все. Нет электричества, нет отопления, нет воды. Мороз за тридцать. Для печки-буржуйки, которую тётке Люсе достали по ходатайству друга дяди Димы, тоже лётчика, топливом служила домашняя мебель. Туалета тоже не было: канализация не работала, отходы выносили во двор. Смерд и грязь заполнили улицы, и всё это под непрекращающиеся обстрелы немецкой и финской армий. Чешские и французские орудия били по людям и строениям. Люфтваффе с остервенением бомбило город, стараясь сравнять его с землёй. Ведь так приказал фюрер. Ленинград, как и Москва, вместе со всеми жителями должен исчезнуть с лица земли, и даже в случае капитуляции необходимо продолжать операцию до полного истребления всех живущих — это решение Гитлера.

Эх, зря тогда в «Артеке», когда махал мечом по крапиве,

Пашка его не зарубил! Хотя бы и воображаемого. Товарищ Сталин не разрешил. И вот теперь наяву пришёл этот ужас.

И ещё пришли крысы. К условиям, в которых вообще нельзя было выжить, прибавились легионы мерзких грызунов. Сначала они стали безбоязненно появляться на улицах, не скрываясь от людей. Эти захватчики города осматривались и постепенно сбивались в стаи, как войска вермахта у советской границы в сорок первом году. Они были на охоте и с азартом следили за тем, как ведут себя загнанные смертью ленинградцы, и, подобно охотничьим псам, только ожидали команды хозяина, чтобы с визгом нетерпения броситься на обречённую добычу.

Крысы толпами копошились в помойных кучах, у подъездов и магазинов. Когда Пашка с кастрюлей шёл на Неву за водой, до него нередко доносился писк, похожий на скрип, тот же самый, что он слышал в «Артеке», когда нашёл дохлую крысу. И Пашка понимал, что рядом крысы. Он думал, что все люди слышат то же самое, но оказалось, что нет. Пашка перестал рассказывать другим о таких слуховых эффектах, но в здравости своего рассудка не сомневался. Он всегда безошибочно и точно определял по этим звукам близкое присутствие крыс: стоило ему услышать особый скрип, как вскоре на его пути образовывались стаи наглых пасюков, стекавших из подвалов домов и многочисленных городских руин. Они появлялись прямо днём, нарочито не обращая внимания на людей, но Пашка точно чувствовал, что

цель у них именно горожане. Крысы вместе со своими союзниками — немецкой армией, морозом и голодом — дождались, когда у людей не останется сил и их помощников — кошек. Из этих последних те редкие особи, что не были съедены людьми, становились городскими легендами и прятались хозяевами как драгоценность. Остановить нашествие разносчиков «чёрной смерти» кошки уже не могли, разве только держать оборону собственной квартиры, если крыс будет немного, а в противном случае — погибнуть в неравной битве.

Пашка хотел перед войной завести кота, у него даже был кандидат — рыжий дворový котёнок, но родители по какой-то причине не согласились. Теперь поздно локти кусать, теперь Пашка сам как кот, по звуку за версту определял приближение бурой нечисти.

В конце февраля фугасная бомба пробила подземные трубы, и на улице в огромной воронке стала накапливаться вода, переливаясь за края и превращаясь среди снега в ледяные борозды. Весть о доступности воды быстро разнеслась по району, и способные ходить жители ближайших домов с ведрами и бидонами выстраивались в очередь к этому неестественному источнику.

Пашке эту новость принёс его товарищ из соседнего дома, тоже неэвакуированный, Влад Морарь. Он был с ведром, а Лучниковы за неимением такового набирали воду в кастрюлю.

Было три часа дня, но из-за пасмурного неба уже темнело. За пять минут парни дошли до места падения бомбы.

— Много уже народа, а вода грязная, — заметил Влад, становясь в конце очереди.

Влажный и холодный ветер колючими когтями схватил Пашкин нос, и парень прикрывал его и губы варежкой.

— Это лучше, чем на Неве по льду кувыркаться. Я в прошлый раз с водой навернулся, пришлось заново в очередь вставать, — через прижатую ко рту руку ответил он.

Ослабленный, бесконечно голодный и промёрзший Пашка не был настроен на беседу, впрочем, как и Влад. Как и все остальные. А всеми остальными в стихийно образованной очереди за водой были старики. Они не разговаривали, экономя запас сил.

В какой именно момент у Пашки засвистело в голове в этот раз, он не заметил. Обратил внимание на привычные звуки только тогда, когда те уже уверенно и тревожно скрипели рядом.

— Ты слышишь писк? — дёрнул Пашка стоящего рядом Влада за рукав пальто.

— Какой? Нет. А что? — прошепелявил синими от холода губами Морарь.

— Ну, как скрип, тонкий такой. Может, просто голова болит, — попытался ретироваться Пашка, уже столько раз заревавшийся говорить с другими о своём обострённом слухе.

Не желая объясняться, он принялся осматриваться по сто-

ронам в нервном ожидании чего-то страшного.

— Чего ты? — спросил его Влад в тот момент, когда на улице со стороны домов показались крысы.

— Смотри! Я же говорил! — указал пальцем Пашка на текущую по тротуару серо-бурую крысиную массу.

— Вот зараза! — сморщился Влад и нагнулся за куском льда.

Пашка, слыша, в отличие от других, нарастающий и пугающий своей динамикой звук, тоже поднял камень и вместе с приятелем приготовился запустить его в скопление грызунов.

Уже размахиваясь для броска, Лучников успел увидеть, как из проёма парадной вылезла большая крыса и уставилась на него ледяной чернотой глаз. На мгновение Пашка почувствовал оцепенение и застыл на месте, не отводя взгляд. Возникло странное ощущение нереальности происходящего, какая-то иллюзия другого мира. Подобное он уже переживал, когда Сестрорецк бомбили немецкие самолёты, а они с матерью, не успев добежать до бомбоубежища, упали в дренажную канаву. Они ещё долго лежали там, пока их не обнаружил патруль и не сказал им, что всё закончилось. Встав тогда с земли, Пашка увидел неожиданно поблёкший маленький двор, и для него этот оттенок навсегда стал цветом войны. И сейчас, как и тогда, в этом новом и мрачном мире, чёрно-белом от сгущающихся сумерек, грязного снега и полуразрушенных зданий, на него бросилась армия крыс.

Естественно, крысы бежали не только на него, но на всех, кто стоял на пути их движения к водопою. Однако он видел, как ведомые огромным вожаком они устремились к нему.

В первые секунды Пашка ещё не был уверен, стоит ли опасаться нападения, и не хотел оказаться посмешищем, поднявшим среди очереди панику. Но когда угроза стала очевидной, у него пропали силы для крика, и он только и смог еле слышно выговорить:

— Смотрите! Смотрите! — и продолжал, как зацикленный, повторять это слово, пытаясь обратить внимание людей на опасность.

Крысы внезапно прекратили сумбурную толчею и последовали за вожаком организованным строем, почти правильным клином, как крестоносцы в Ледовом побоище. Они приближались быстро и уверенно. Это точно была атака. Это точно было спланировано. Это точно было приближение смерти.

— Бомбёжка! Бегите! Бомбёжка! Обстрел! Ну же! — вдруг как громом разразился криком Пашка, поборов сковавшую его оторопь.

Он побежал вдоль очереди, размахивая своей кастрюлей, и даже как в бубен несколько раз ударил по ней рукой, привлекая внимание.

Старики засуетились и, охая, стали расходиться. Кто среагировал быстрее, тому повезло больше. Те, кто был старше и слабее, уйти не успели, и на них обрушилась крысиная стая.

Крысы прыгали на людей и ползли по одежде, облепляя их, как пчелиный рой.

Вожак стаи нацелился на Пашку. Выставив кастрюлю как щит, Пашка начал пятиться назад, но, поскользнувшись на льду, упал на спину, ударившись головой о мостовую. Боли от удара он не успел почувствовать, потому что в этот момент, наполнив всё его существо омерзением и ужасом, на него набросились крысы. Одни кинулись ему на валенки, разгрызая войлок, другие раздирали пальто, стремясь пролезть через варежки и рукава внутрь. Свист, писк, скрип, казалось, вот-вот взорвёт его голову. Пашка, отбиваясь кастрюлей, с криком вскочил на ноги, свободной рукой скидывая с себя крыс. Теперь он не только не стеснялся кричать, он даже не замечал, что кричит. Он хотел броситься бежать, не разбирая куда, но его взгляд как магнитом притянуло к крысиному вожаку, оскаленному и вставшему перед ним на задние лапы. Это поистине было чудовищное зрелище. Вокруг крысы пожирали людей, голову разрывал назойливый звук, и огромная тварь посреди всего этого являла собой апогей концентрации зла на вечерней улице блокадного Ленинграда. Действуя инстинктивно и по инерции, Пашка, не поддаваясь магнетизму inferнальных глаз крысы, размашистым движением пловца кролем без размышлений и сомнений нанёс по ней удар кастрюлей с такой силой, что кухонная утварь вылетела из рук. Последовал гулкий звон, и, отлетев в сторону, кастрюля открыла вид на мёртвую крысу.

Пашка остался стоять, как в игре «Море волнуется раз» с рукой, простёртой вперёд. Грызуны вокруг также замерли, но через мгновение, словно на прокрученной назад киноплёнке, попятились в сторону подвалов дома, откуда и появились.

Пашка судорожно сглотнул слюну и оторопело огляделся. Старики, взмахивая руками, как чайки крыльями, причитали, а один человек лежал на земле.

— Дедушка... — позвал его Пашка, но ответа не получил и подошёл к нему. Пожилой худенький мужчина с окровавленным лицом шевелил губами. — Дедушка!

Пашка, не зная, что делать, попытался поднять старика, но сил не хватило. Он закрутил головой в поисках помощи и увидел Влада на углу дома. Сосед, похоже, успел убежать и не попал под атаку крыс.

— Влад! Помоги! — крикнул ему Пашка.

К чести Влада, тот не заставил себя ждать и поспешил на зов товарища.

— Помоги поднять! — не оборачиваясь на него, вновь крикнул Пашка.

— Да, да, сейчас, — пытаюсь подхватить старика под руку, отозвался Морарь.

— Сбежал, трус! — неожиданно для самого себя выпалил Пашка, которого всё ещё трясла дрожь от пережитого нападения.

— Я не сбежал! Что я должен был делать?! Я и так их давил ногами! — с обидой воскликнул Влад.

— Не помог вон никому! — Пашка находился на грани нервного срыва и плохо контролировал эмоции.

— Ты, что ли, помог? Хорошо, сам хоть отбился.

— Я убил их главаря! — в запале опять крикнул Пашка.

Между тем помочь стонущему мужчине им не удавалось.

Парни сами были потрясены и, едва приподнимая его, не знали, что делать дальше. Уставая держать старика под руки, клали обратно на землю. К счастью, к ним подъехала машина военного патруля. Солдаты, быстро выяснив, что случилось, увезли пострадавшего в госпиталь.

— Ты сам-то как? — спросил Влад, когда военные уехали.

Пашка испуганно оглядел себя. От переживаний он до сих пор даже не задумался о своём состоянии. Порванные валенки и пальто составляли весь его ущерб. На теле не было ни царапинки.

— Вроде нормально, — удивлённо ответил он.

— Фу, хорошо. А где крыса, которую ты убил?

— Да вон... — разворачиваясь, Пашка указал рукой в ва-режке на место, где должна была лежать крыса.

Но её там не было.

— Влад, отвечаю, я её прибил! Вон кастрюля моя, — ничего не понимая, Пашка подошёл и подобрал кастрюлю. Мир тут же задвоился, у него вдруг возникло ощущение, что он находится одновременно здесь и не здесь, и закружилась голова. — Влад, они её забрали... — потерянно произнёс Лучников.

— Кто, крысы? — Влад приподнял брови.

— Да! Я вроде даже видел, как они её тащили, но не точно. Всё так быстро произошло. Как во сне...

Влад с очень серьёзным видом кивнул:

— Точно — как сон. Сейчас вспомнил: приснилось сегодня, как немцы на город напали. Главный фашист у них впереди шёл, здоровый такой, на свинью похожий, на губной гармошке играл. А мелодия такая противная, один скрежет, аж на уши давит!

— Как скрип? Писк? — спросил Пашка.

— Может быть, точно не помню, только ощущение противное осталось.

— И что дальше было?

— А дальше вышел наш командир, невысокий, но такой сильный, куда там фрицам! С бородой и усами как у товарища Будённого! Замахнулся на фашистов шашкой, и они побежали прочь, скуля от страха! — патетически произнёс он.

— И сбежали все? — взволнованно спросил Пашка, желая узнать развязку сна.

— Да, восояси. Проиграли немцы. А главный фашист от страха в меня гармошкой своей кинул, удирая. В висок мне бац! — и тут сну конец, — хохотнул Влад, постучав себя по голове.

После этого происшествия крысы хлынули в Ленинград. Конечно, их и так было много, но теперь они нападали на людей по всему городу. О передвижениях крупных стай

крыс по улицам даже стали предупреждать по радио. Оказываться у них на пути было чревато: раздирали людей — как те пираньи в Амазонке, о которых Пашка читал в детстве. На заводе, куда Пашка устроился сборщиком пулемётов «Максим», несколько раз объявляли тревогу из-за нашествия крыс, приходилось прекращать работу и эвакуироваться на верхние этажи. Красноармейцы сжигали бараки, оккупированные крысами, давили их танками, сапёры взрывали скопления нор, но крысы не переводились. Их становилось всё больше, они были всё злее и организованней. Звук крысиного приближения у Пашки в голове перешёл почти в постоянный гул и работал лучше любого радиопредупреждения о наступающей опасности.

Вторая половина апреля радовала измученных аномально суровой зимой ленинградцев. Уже несколько дней держалась непривычно тёплая для этого времени погода, и на душе становилось радостнее хотя бы от этого.

Придя с завода, Пашка, не чуя ног под собой, сразу упал на кровать в квартире тёти Люси.

И сама тётя, и мать, и Пашка были похожи на живых мертвецов, обтянутых кожей. Все были на грани выживания. Но пришла весна, а значит, будет трава, листья, цветы, насекомые, всё то, что можно съесть, а это, в свою очередь, увеличивает шансы продержаться в ненавистном фашистам городе до, как все верят, скорого снятия блокады нашими войсками. Пашка часто вспоминал сон Влада. Этот сон ему ка-

зался сказкой, рассказанной в детстве на ночь. Но теперь эта сказка должна обязательно стать явью, иначе...

Самому ему снилось, что толстый фашист с губной гармошкой, словно приклеенной к губам, тащит его за ноги с кровати, сминая ему кости, рёбра и всё ближе подбираясь к шее. В голове как обычно звенело, но проснуться Пашка не мог, как ни силился. И тогда жирный фашист раскрыл широкую пасть с прилипшей к губам гармошкой и с визгом сомкнул зубы на Пашкиной голове. Тогда с криком на всю квартиру Пашка наконец проснулся и одним движением вскинулся с залитой кровью подушки.

Он стоял на полу как лёг — в штанах и тонком свитере, а по нему ползали крысы; несколько их, сидящих на его плече, догрызали его ухо.

Он мог бы, теряя рассудок, выпрыгнуть на улицу со второго этажа, но услышал крики матери и тётки Люси. Тогда, не замечая боли, Пашка ринулся в соседнюю комнату, на ходу отдирая от себя крыс и швыряя их в стены.

Увидев родных, отбивающихся от грызунов, он не закричал, а зарычал и, не чувствуя боли, стал топтать крыс, хватая их за хвосты и спины и не замечая звериных укусов. Он бросился к матери, скинул у неё со спины двух тварей и, встав перед ней как щит, дотянулся рукой до тётки Люси, которая стояла на кровати и дико кричала в истерике, дёрнул её на себя, вырвал крысу у неё из волос и спрятал тётку у себя за спиной рядом с матерью. Крысы, оказавшиеся перед ним на

полу, встали на задние лапы, как та огромная крыса, которую он прибил кастрюлей.

— За мной пришли?! — вдруг крикнул им Пашка, сжимая в руке пищашую крысу, снятую с тёти Люси. Крыса, грызя ему пальцы, пыталась вырваться, но Пашка с необыкновенной силой стиснул кулак и швырнул её замершее тело в стаю. Больше он их не боялся. Он находился в упоении боя и готов был растерзать пасюков, вторгшихся в его дом, всех до единого. Может, его решимость остановила крыс. Они, подпрыгивая, с визгом заметались по углам. Тогда, схватив черенок от швабры, Пашка принялся бить их со всей силы, превратив кончик палки в щепу. Он гонял крыс по пустой от мебели квартире, не давая им возможности уйти через воздуховод, откуда они пришли, пока их не осталось не больше пяти и мать, открыв дверь, не дала крысам возможности сбежать.

Пашка осмотрелся. Живых крыс нет, только дохлые валяются вдоль стен. Тётя Люся издаёт невнятные звуки, а мать трясёт его и зовёт по имени. Лучников посмотрел на свои руки и увидел вместо них кровавое месиво.

— Всё нормально, мам, — еле произнёс он и потерял сознание — не от шока, а от полного изнеможения.

В первый день в госпитале Пашка вспомнил свой сон в ту роковую ночь, когда крысы пробрались в квартиру. И сравнил его со сном Влада. Видимо, каким-то образом парни были связаны судьбой, раз сны у них похожи. И зря Пашка на-

звал друга трусом — не бросал его Влад, отбивался сам как мог, а потом пришёл раненому деду помогать. Лучников решил, что обязательно надо извиниться перед Владом и вместе поразмыслить над своими снами и над тем, как победить грызунов.

Лучников, безусловно, не мог знать, что и Влад своим сном, и сам он своим слухом только подтверждали теорию профессора Думановского об использовании крыс в качестве оружия.

Но он также не мог знать, что в прошлую ночь была немецкая бомбёжка и Влад, пытаясь скинуть с крыши дома зажигательную бомбу, погиб от осколка, пробившего ему висок.

Глава 4. Доводы мертвецов

Приказ командира части неприятно удивил Игоря. Неожиданно покинуть полк и в сопровождении сотрудника НКВД отправиться в Ленинград не сулило ничего хорошего.

Мызин пытался настроиться на позитивный лад: в конце концов, его только что повысили в звании, а это уже страховка. Тут же возникал вопрос — отчего нужна страховка в такой компании? Здесь лейтенант терялся в догадках, зная о богатом воображении сотрудников государственной безопасности в поисках врагов. Его же собственное воображение неизменно рисовало мрачную картину будущего в подвале для допросов.

События этого летнего дня сложились так, что лейтенанту Мызину пришлось удивиться вдвойне, когда он действительно оказался в подвале, но принадлежащем не НКВД, а институту эпидемиологии и микробиологии имени Пастера. В просторном помещении цокольного этажа, через маленькие окна которого проникали пыльные солнечные лучи, за столом, заваленным книгами, сидел пожилой человек в пиджачном костюме. Он, развернув лист бумаги в сторону света и придерживая одной рукой очки, силился что-то прочитать, не обращая внимания на вошедших людей.

— Лейтенант Мызин доставлен, — отрапортовал юный энкавэдэшник, сопровождавший Игоря.

— Очень хорошо, молодой человек, спасибо. А теперь оставьте нас одних. — Мужчина в костюме оторвал взгляд от документа и, поправив очки, посмотрел на сотрудника наркомата.

Тот и не подумал двинуться.

— Можете пока идти, Курмис, — донеслось из угла помещения, и Игорь увидел человека, выходящего оттуда, словно призрак из старого склепа.

Этот был в звании старшего лейтенанта НКВД. Он прикусил папиросу, с присвистом сделал последнюю затяжку и, как дракон, выпустив тяжёлый дым из носа, подошёл к Игорю, с прищуром его разглядывая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.